

Речевые провокации в рассказе А.П. Чехова «Толстый и тонкий»

© А. Э. АКИМОВ

В статье проанализированы типы речевых провокационных приемов, как явных, так и скрытых.

Ключевые слова: речевые провокации, рассказ «Толстый и тонкий», возвышенный стиль, разговорная лексика, интонация.

Жанровая специфика критического реализма, представленная в рассказе А.П. Чехова «Толстый и тонкий», диктует быстрое развитие сюжета, лаконичность, внимание к выразительным деталям и точность языка. Именно этим принципам следует автор, заключая во всего лишь одно предложение экспозицию произведения: «На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий». Используя антонимы *толстый – тонкий*, А.П. Чехов подчеркивает принципиальные различия героев. Не случайно выбрано и место развития действия – Николаевская железная дорога – путь, соединяющий Москву и Петербург: основными ее пассажирами были чиновники. Таким образом, используя только название дороги, А.П. Чехов избавляется от дополнительных комментариев и намеренно обращается к читательским ассоциациям, которые работают, как подсказка к будущему сюжету [1].

Завязкой сюжета служит неожиданная встреча двух друзей детства Михаила и Порфирия:

– Порфирий! – воскликнул Толстый, увидев тонкого. – Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!

– Батюшки! – изумился тонкий. – Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?

Приятели троекратно облобызались и устремили друг на друга глаза, полные слез. Оба были приятно ошеломлены.

А.П. Чехов показывает искренние чувства людей, используя фразеологизмы: «Голубчик мой!», «Сколько зим, сколько лет!», «Друг детства», «Батюшки!» и соединяя слова из возвышенного стиля речи: (*воскликнул, изумился, ошеломлены*) с чрезвычайно бытовой ситуацией (встреча на вокзале) и разговорной лексикой: «Ты ли это?», «Голубчик мой!», «Миша! Друг детства!», «Откуда ты взялся?». В то же время А.П. Чехов видит комичность ситуации и подчеркивает ее фразами о «троекратных лобызаниях» и «глазах полных слез».

Развитие действия начинается с того, что тонкий представляет свою семью и рассказывает о себе, используя разговорный стиль, в составе которого преобладают простые односоставные предложения: «Это Нафня, друг моего детства!», «Служу, милый мой!», «Жалованье плохое... ну, да бог с ним!», «Ну, а ты как? Небось, уже статский? А?».

Порфирий не дожидается ответов собеседника и говорит до тех пор, пока не начинает ощущать полного удовлетворения. Михаил не прерывает его и дает выговориться, чувствуя собственное превосходство, то чувство, которое искусственно пытался создать его школьный друг.

Именно на этом этапе, в момент, когда семья тонкого встречает толстого, появляется первая, хотя и скрытая провокация, со стороны третьего лица – сына тонкого, Нафанаила. Она носит поведенческий характер: «Нафанаил немного подумал и снял шапку». А.П. Чехов дает нам понять, что мальчик оценивает социальное положение неизвестного человека, и, очевидно, признав его не ниже собственного, решает проявить знак уважения [2]. Таким образом писатель показывает, что в молодом «творении божьем» (так переводится с древнееврейского имя *Нафанаил*) уже прослеживаются зачатки будущего чиновника.

Только после представления себя, своей семьи тонкий задает первый вопрос собеседнику: «Ну, а ты как? Небось, уже статский? А?», который тоже включает провокацию. Порфирий использует риторический вопрос и иронически вставленное междометие «А?», подчеркивающее задорное настроение говорящего. Используя частицу «небось» и междометие «А», тонкий придает своим словам оттенок легкой насмешки.

Именно в этот момент зарождается конфликт, который носит не только социальный, но и общечеловеческий характер, тем самым разделяя диалог на две части:

– Нет, милый мой, поднимай повыше – отвечает толстый. – Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею!

Фразеологизм «милый мой», намеренно использованный Михаилом, подчеркивает снисходительный и даже несколько иронически-пренебрежительный тон говорящего.

«Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съехался, сторбился, сузился... Его чемо-

даны, узлы и картонки съезжились, поморщились...». Такое детальное описание эмоций и внешнего облика тонкого с помощью глаголов совершенного вида «съезжился, сгорбился, съезжились, поморщились...», показывает динамичность и кардинальность произошедших перемен, а главное, состояния тонкого, которое трансформировалось в две фазы: «Тонкий вдруг побледнел, окаменел» – неконтролируемые (настоящие) эмоции; «но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры» – сознательно вызванные (фальшивые) эмоции. Писатель намеренно противопоставляет внутреннее состояние героя внешнему, показывая эту резкую перемену.

Кроме того, реакцию отца дополняет реакция его сына. Именно поведение Нафанаила (третьего лица) в этой ситуации представляется особенно интересным: «Нафанаил вытянулся во фрунт и застегнул все пуговицы своего мундира...». Это простое, двусоставное предложение, осложненное однородными сказуемыми (в составе одного из которых присутствует устаревший военный термин *фрунт*, означающий «встать по стойке «смирно») [3], дает читателю возможность сравнить действие и поведение Нафанаила в начале и в конце диалога, а также увидеть зависимость «чиновничьего» сознания и поведения от внешней ситуации.

Теперь в выражениях и словах тонкого звучат официальные формулы титулования: «Ваше превосходительство» (обращение к генералу в дореволюционной России), появляется высокий стиль: «милостивое внимание», «помилуйте».

Порфирий не забывает прибавлять и звук *с* на концах слов: «Очень приятно-с!», «вельможи-с!», «Что вы-с...» как выражение еще большей почтительности и уважения, и в то же время, покорности и подчинения. При этом тонкий продолжает провоцировать собеседника, употребляя звуки *с* и хихикая: «Хи – хи-с...», что определенно является признаком сарказма. Все это чрезвычайно раздражает толстого:

– Ну, полно! – поморщился толстый – Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства – и к чему тут это чинопочитание!

Именно глагол совершенного вида: «поморщился» показывает нарастающее отвращение к собеседнику:

– Помилуйте... Что вы-с... – захихикал тонкий, еще более съезживаясь. – Милостивое внимание вашего превосходительства... вроде как бы живительной влаги...

Наречие «вроде», частица «бы» и союз «как» в сочетании с фразеологизмом «ваше превосходительство» выражают открытое заискивание перед толстым.

Эта сцена является кульминацией данного рассказа и подводит читателя к развязке. Михаил подает Порфирию руку на прощание, тонкий:

«пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал, как китаец: “хи-хи-хи”. Жена улыбнулась. Нафанаил шаркнул ногой и уронил фуражку. Все трое были приятно ошеломлены».

Не случайно А.П. Чехов повторяет ранее сказанную фразу «Все трое были приятно ошеломлены», которая в начале рассказа выражала искреннюю радость от встречи двух друзей, а к его завершению передает «приторный» восторг от встречи со значимым лицом. Тут же мы слышим и повторяющееся «хи-хи-хи», рабелепное и приглушенное с одной стороны, но фальшивое и завистливое с другой.

Все эти, казалось бы, наигранные знаки почтения: «пожал три пальца», «поклонился всем туловищем», «жена улыбнулась», «Нафанаил шаркнул ногой» на самом деле открывают гораздо большую проблему – отсутствие не только самоуважения и гордости, но и личности в целом. А.П. Чехов показывает зависимость людей от занимаемого ими социального статуса и связанных с ним стереотипов мышления.

Таким образом, рассмотрев типы речевых провокационных приемов на примере данного рассказа, мы можем заключить, что провоцирование со стороны одного из участников диалога может быть как вербальное (реплики и их интонация), так и невербальное (поведение, жесты). Мы также можем утверждать, что провокационность той или иной реплики или жеста напрямую зависит от контекста ситуации.

Литература

1. *Степаненко А.А.* Функции подтекста в прозе А.П. Чехова. Южно-Сахалинск, 2004. Вып. 1. С. 150–152.
2. *Голубков В.В.* Мастерство А.П. Чехова. М., 1959. С. 160–165.
3. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 1999.

*Нижегородский лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова*